

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.17805/zpu.2023.2.4

«Цифровое общество»: концептуальные подходы, проблемы и перспективы

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Э. БАУМАНА;

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «ДУБНА»,

А. Л. КРАВЧЕНКО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «ДУБНА»

Статья посвящена концептуальным подходам к определению цифрового общества. Претерпев определенные эволюционные изменения в концепциях постиндустриализма, течениях постмодернизма и позднего постмодернизма, оно остается довольно проблемным и сложным в методологическом отношении понятием, используемым разными авторами для обозначения всевозможных явлений, связанных с «цифрой». В рамках постиндустриализма современность описывается как информационное общество, в котором «знание» становится основополагающим политико-экономическим ресурсом. При этом постиндустриалисты нередко заменяют и объясняют социальные трансформации технологическими изменениями, что порождает противоречивые выводы относительно цифрового общества. Тем не менее этот комплекс оставляет весьма подробное описание феноменов современности, однако не сопровождает их адекватной социально-философской интерпретацией.

Постепенно на смену постиндустриализму приходит постмодернизм, в то же время не вытесняя его полностью. Учитывая не менее проблемный характер термина «постмодернизм», авторы все же выделяют ряд ключевых категорий описания цифрового общества, общий для большей части постмодернистских течений в социальной теории. В статье приводятся как общие основания постмодернизма, так и различия в подходах к описанию цифровой эпохи.

К концу XX в. ключевые авторы постмодернизма все чаще фиксируют его упадок, связанный с утратой им объяснительного потенциала, усталостью от его проблематики, либо вовсе провозглашают его конец. Однако он остается главным и наиболее сильным языком описания современности и концептуализации цифрового общества в частности — это обстоятельство позволяет говорить об этапе позднего постмодернизма современной социальной теории.

Ключевые слова: цифровое общество; постиндустриальное общество; постмодернизм; поздний постмодернизм; цифровой капитализм; неолиберализм; социальная теория

ВВЕДЕНИЕ

Категория цифрового общества стала одной из ключевых в современном социально-научном дискурсе: новая цифровая реальность, все более активно меняющая практики жизни государств, обществ и индивидов, требует своего осмысления, теоретического и методологического обоснования (Багдасарьян, 2022).

Несмотря на лавинообразный рост числа работ, в названиях которых звучит «цифра», эта категория сохраняет проблемный характер и остается множественным означающим. Под «цифровым обществом» понимаются разные или даже противоречащие друг другу явления, среди которых социальное пространство с функционирующими цифровыми институтами и высокотехнологичной инфраструктурой, развивающиеся информационно-коммуникационные технологии (искусственный интеллект, Big Data, интернет вещей и пр.), новейшая формация с гибридными формами пространства и субъектности, «суперумное общество», а также более ранние концепты, описанные еще в XX в. (Василенко, Мещерякова, 2021: 48–50).

Все это обуславливает цель нашей статьи, заключающуюся в обобщении методологических подходов к концептуализации понятия цифрового общества. Концептуальная эволюция понятия описывается нами через призму основных концептуально-теоретических блоков — теорий постиндустриального общества, течений постмодернизма и позднего постмодернизма, показывая их обоюдное влияние, сильные и слабые стороны.

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО В ОПТИКЕ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА

Первые шаги по концептуализации современности уже в 1960-е гг. предпринимает Джон Гэлбрейт, заявляя о «новом индустриальном обществе», в котором «знание» становится главным источником власти (Гэлбрейт, 2004). Интенции исследователя продолжают Ален Турен (Touraine, 1971), Дэниел Белл (Белл, 2004) и Элвин Тоффлер (Тоффлер, 1999), вводя в обиход такие категории, как «общество знания», «постиндустриальное», «программированное», «информационное» и «сверхиндустриальное» общество.

В то же время Белл замечает, что «постиндустриальное общество» выступает весьма условным и обобщенным понятием, тем не менее включающим в себя ряд ключевых черт: в сфере экономики наблюдается переход от промышленного производства к экономике услуг; в структуре занятости прослеживается тенденция к распространению нового, технически ориентированного класса профессиональных работников; существенно возрастает роль технологий, а главным продуктом становится «интеллектуальная технология». Осевым принципом постиндустриальной эпохи выступает центральная роль теоретических, научных знаний, лежащих в основе общественного прогресса (Белл, 2004: 18).

Белл акцентирует внимание на сервисном секторе экономики, который начинает преобладать в развитых странах с 1950-х гг., при этом выделяя не столько рост услуг, обусловленных информационными технологиями, сколько услуг вообще. Едва ли такой ход можно назвать удачным, поскольку доминирование «услуги» в периферийных экономических регионах наблюдалось и ранее, где уборка помещений, торговля и развлекательные заведения были широко распространены еще в доиндустриальный период (Латов, 2017: 23–24).

Преобладание сферы услуг в развитых странах достигается за счет переноса индустриальных производств в те же периферийные регионы. В этом смысле постиндустриальная цивилизация центра неразрывно связывается с (до)модерностью «глобального Юга», насаждением отсталости периферийным и полупериферий-

ным экономикам (Frank, 1966). В то же время численность пролетариев — классического рабочего класса, описанного К. Марксом и Ф. Энгельсом в XIX в., — сегодня превышает 3 млрд человек, что занимает как наибольшую долю среди всей совокупности работников, так и весьма существенную долю среди населения Земли за всю историю человечества (Дзарасов, 2019: 29). Идентификационные параметры современных работников трансформируются, меняются классовые структуры, однако говорить о «прощании с рабочим классом» (Gorz, 1997) не приходится.

Описывая информационное общество, постиндустриализм заменяет социальную трансформацию технологическими и научно-техническими достижениями. В частности, Тоффлер акцентирует внимание на технологии как главном факторе прогресса, связывая «Третью волну» и сверхиндустриальную фазу прежде всего с развитием компьютерных технологий (Тоффлер, 1999: 44–45). При этом информация, как правило, отождествляется с технологией и знанием, но ни одна из этих категорий не раскрывается в полной мере. Подлинным субъектом истории, по мысли футуролога, оказывается новый «класс» специалистов и владельцев технологий.

Постиндустриализм оставил подробное описание феноменов, связанных с развитием информационных технологий, однако так и не дал сущностного объяснения обозначенных изменений, довольно быстро исчерпав свой эвристический потенциал. Не получив адекватной социально-философской интерпретации, подобная оптика породила не только «феноменологический» характер описания позднего капитализма, но и спорные, весьма противоречивые выводы относительно этих феноменов. Так, подчеркивая роль сервисного сектора экономики, рассматривая его в качестве основы постиндустриального общества, известный управленец Питер Друкер в 1990-е гг. заявляет о переходе в посткапитализм, поскольку знание становится главным экономическим и социально-политическим ресурсом, по сравнению с которым земля, труд и капитал обретают второстепенное значение (Drucker, 1993: 40).

Символом «посткапиталистической эпохи» выступает универсально образованный человек, обладающий высокими навыками работы с информацией. В этом смысле с идеями Друкера пересекается концепция Ричарда Флориды, описывающего становление нового общественного класса, занятого творческой деятельностью (Florida, 2012). «Креативный класс» характеризуется спецификой труда, в результате чего к нему можно отнести «топ-менеджеров и учителей, звезд шоу-бизнеса и врачей, пиарщиков и ученых» — иначе говоря, людей, занимающих диаметрально противоположные роли и положения в системе производственных отношений и обществе в целом (Бузгалин, Колганов, 2019: 20). На наш взгляд, все это не позволяет говорить о «креативных работниках» как новом классе, но позволяет отметить качественные изменения в современных трудовых практиках, имеющие надклассовый характер.

Однако современная теория труда показывает, что применительно к настоящему вместо «посткапитализма» уместнее говорить скорее о «когнитивном капитализме» (Корсани, 2007), «семиокапитализме» (Berardi, 2009), «капитализме платформ» (Срничек, 2020) и пр., несмотря на то что и эти обозначения нередко друг другу оппонируют. При этом сам технологический прогресс с 1970-х гг. активно и намеренно сдерживается «сверху», поскольку вступает в противоречие с инте-

ресами крупных корпораций (Срничек, Уильямс, 2019: 258–259). Таким образом, «все изменилось, но ничего не поменялось» (Hassan, 2020: 7), ведь «новые» экономические модели и квазиклассовые группы продолжают функционировать в рамках капитализма.

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО КАК СОСТОЯНИЕ ПОСТМОДЕРНА

Получив первоначальное концептуальное оформление в концепциях постиндустриализма, категория цифрового общества обретает дополнительные параметры в рамках постмодернистских течений. Однако мы не можем сказать, что последние полностью вытеснили постиндустриализм, поскольку его проблематика сохраняется в работах исследователей «второй волны». В частности, Мануэль Кастельс в своих трудах, выходящих вместе с классическими постмодернистскими текстами, а также и после них, описывает характеристики «информационального» или «сетевого» общества. Впрочем, и в этом случае аргументация во многом выстраивается вокруг возрастающей роли знания и сетевых технологий. Тем не менее постиндустриализм в определенном смысле лежит в основе некоторых постмодернистских концепций, и оба направления так или иначе друг на друга влияют. Например, для Жана-Франсуа Лиотара состояние постмодерна связывается прежде всего с развитием постиндустриального общества, описанного Беллом и Туреном (Андерсон, 2011: 38).

Ключевые авторы, которых принято считать «постмодернистами», нередко обращаются к понятию постиндустриального общества, объясняя им новые социальные явления, свойственные для «состояния постмодерна». В этом смысле между течениями образуется довольно расплывчатая граница. Картина оказывается еще более запутанной, когда важные теоретики обоих течений отходят от постиндустриализма или постмодернизма. К концу 1990-х гг. лагерь постмодернистов покидают Ихаб Хассан и Фредрик Джеймисон, меняя исследовательское направление или попросту разочаровываясь в постмодернизме. Такие авторы, как Мишель Фуко или Жан Бодрийяр, без которых нельзя представить постмодернистскую мысль, вовсе отрицают это направление и отказываются себя с ним ассоциировать. К моменту выхода культовой «Текучей современности» Зигмунт Бауман также отходит от постмодернистской проблематики, однако его работы начинают заметно пересекаться с текстами постиндустриалистов.

Наконец, как и «цифровое общество», сам термин «постмодернизм» (и «постмодерн») все еще служит множественным означающим и сохраняет проблемный методологический характер: для одних он остается синонимом «французской теории» или постструктурализма, для других — продолжением «критической теории», тогда как в отечественном академическом сообществе он вообще носит преимущественно негативный окрас, фактически отсылая к чему угодно. Очевидно, что постмодернизм не ограничивается только французским постструктурализмом или континентальной традицией и служит своеобразным множеством языков описания определенных ситуаций, характерных для состояния постмодерна, сохраняя при этом критические стремления (Павлов, 2019: 426). В этой связи Джеймисон отмечает, что постмодерн остается действующим теоретическим построением, призывая отличать его от постмодернизма — иначе говоря, разводить эпоху и ее описательную категорию (Мазоренко, 2021: 24).

В то же время описание цифрового общества дополняется рядом категорий, общих и для французского постструктурализма, и для критической теории, и для англоязычных исследователей постмодерна. Прежде всего его ключевой характеристикой выступает эклектика, проявляющаяся в переплетении всевозможных образов и сосуществовании противоречащих друг другу явлений. Нередко за эклектикой скрываются мотивы позднего капитализма, подчиняющего своей логике всевозможные вещи и отношения, захватывающего «платежеспособные потребности» современного человека. Будучи своеобразным продолжением модерна, постмодерн наследует фрагментацию картины мира человека, потерю его индивидуальности, а следовательно, распространение массовой культуры и ее различных форм плюрализма. Подлинным выражением постмодерна культуры становится эклектизм. Как отмечает Лиотар, современный человек в одно и то же время «обедает в Макдоналдсе, слушает регги, смотрит американские вестерны и использует французские духи» (Лиотар, 2008: 20–21).

Кроме того, поздний капитализм перестает быть производительным, тогда как его главной целью становится преумножение контроля. Это ключевое замечание характерно и для французской теории, и для таких англоязычных авторов, как Перри Андерсон, Дэвид Харви, Терри Иглтон, Фредрик Джеймисон, исследующих постмодерн с позиций марксистского анализа. В частности, Джеймисон описывает постмодерн как культурное отображение, логику позднего капитализма. Его идеи продолжает Харви, рассматривая состояние постмодерна как особое пространственно-временное сжатие, характерное для неолиберализма — политико-экономического режима, характеризующегося такими производственными параметрами, как эклектика, гибкость, рассеяние, деиндустриализация, дерегулирование и т. д. (Харви, 2007: 534–535). При этом если Джеймисон позднее отходит от постмодернизма, то Харви начинает использовать термин «новый империализм» взамен «постмодерна», поскольку его коннотации намного точнее и адекватнее описывают проблематику в марксистской оптике (Павлов, 2021: 50–51). Вместе с тем Иглтон настаивает на термине «развитый капитализм»: «называть его “поздним” капитализмом слишком самонадеянно, поскольку мы не знаем, насколько он поздний» (Иглтон, 2012: 97).

В работах Бодрийяра эклектика проявляется в смешении объекта и субъекта контроля, отправителя и получателя послания в пространстве гиперреальности. О слиянии культуры и экономики заявляет Джеймисон. Пожалуй, наиболее распространенным символом эклектики становится образ ризомы Жюль Делеза и Феликса Гваттари, противостоящей линейным онтологическим и гносеологическим структурам. Однако, как отмечает Андерсон, вместе со всевозможным переплетением постмодернизм повсюду усматривает множественные расщепления культуры, личности, территории, благодаря которым эклектика и становится возможна (Андерсон, 2011: 138).

Для постмодернистского описания характерна категория неподлинности. Уже в 1950-е гг. Ролан Барт фиксирует мифологический аспект социальной жизни. Ги Дебор заявляет об обществе спектакля, сперва существующем в двух основных формах — предельно утрируя, в «тоталитарной» и «демократической», а позже в интегрированной форме, комбинирующей параметры «демократического» общества потребления с «тоталитарными» институциями.

В текстах Бодрийяра, обращаясь к Дебору, спектакулярный аспект постепенно утрачивает основополагающее значение, уступая место пространствам

симулякров и тотальной гиперреальности. Все это в определенном смысле свидетельствует о кризисе метанарративов, отмеченном Лиотаром: если индустриальная эпоха была пространством больших рассказов, легитимирующих текущее положение дел, то постмодерн отражает культурную составляющую постиндустриального (цифрового) общества, в котором радикальным образом меняется статус знания (Лиотар, 2016: 14).

Кроме того, цифровое общество в рамках постмодернистской проблематики описывается через категорию потребления. Потребление трансформируется из рядовой социальной практики в основополагающее действие и даже новую коммуникативную систему. Получив широкое распространение в развитых странах, оно подчиняет собственной логике все аспекты социальной жизни, превращаясь из удовлетворения базовых потребностей человека в комплекс практик взаимодействия со знаками. В этом смысле любое действие в цифровом обществе трансформируется в акт потребления знака. При этом и само знание производится главным образом «для того, чтобы быть проданным» (там же: 16). Так, наблюдение Лиотара в практике академической жизни обернулось гонкой за численными показателями импакт-фактора и индекса Хирша как атрибутами общества потребления: механизм поощрений превращает ученых в производителей научного текста как экономического продукта (Багдасарьян, Сони́на, 2020).

Наконец, для постмодернизма характерны категории контроля и власти, выраженные через «спектакль» Дебора, «апотропию» Бодрийера, инструменты маркетинга в обществах контроля, описанных Делезом, или преумножением мер безопасности, порождаемые технотехнологией, о которой пишет Лиотар. В этом смысле постмодерн фиксирует безальтернативность позднего капитализма, выступая своеобразным «ощущением конца»: «...не могло быть ничего, кроме капитализма. Постмодерн был приговором альтернативной иллюзии» (Андерсон, 2011: 62). При этом категория контроля за довольно небольшой промежуток времени успевает претерпеть существенные изменения: если для Фуко практики власти напоминают паноптикум Бентама, то для Бодрийера эпоха симулякров знаменует переход от системы паноптикума к системе апотропии, стирающей различие между активным и пассивным, наблюдающим и наблюдаемым — между субъектом и объектом контроля (Бодрийер, 2018: 45).

Делез же определяет информацию как систему контроля и предписаний. В этом смысле цифровая (пост)современность становится обществом контроля, характеризующимся невиданной ранее открытостью. Обозначенные тенденции находят отображение в нововведениях, обретающих массовый характер: онлайн-обучении, лечении на дому, наконец, в трансформации трудовых практик. Общество контроля базируется на цифровом языке, который, в свою очередь, основывается на шифре, но так же и на цифре, — философ употребляет многозначное «le chiffre», указывающее на тотальность и безграничный цифровой потенциал (Латыпова, 2019: 51).

Индивид больше не переходит из одной изоляции в другую, как это было в дисциплинарных обществах, — напротив, отныне ничто не кончается и трансформируется в метастабильную совокупность сосуществующих структур: семья превращается в своеобразный интерьер, корпорация сменяет индустриальный завод, непрерывное образование заменяет школу. При этом грядущее общество контроля базируется на современном непроизводительном капитализме, имеющем дело с готовой продукцией и маркетингом — именно маркетинг становится главным ин-

струментом контроля, поскольку осуществляется через короткие, но непрерывные в своей множественности операции.

Контроль осуществляется посредством компьютера — в определенном смысле автономной от человека кибернетической системы, во власти которого оказывается все общество с его открытыми институтами и процессами. В частности, Делез ссылается на пассаж Гваттари, в котором описываются «электронные (дивидуальные) карточки», открывающие проход или доступ к чему-либо в городе будущего. Гваттари обращает внимание на то, что «карточка» в определенный момент может перестать функционировать, в то время как вся социальная регуляция будет зависеть и лежать на безличном компьютере. За электронными карточками следуют электронные ошейники для провинившихся за незначительные нарушения, контроль, осуществляющийся машиной в университете, больнице, предприятии, — словом, речь идет «о постепенном и фрагментарном становлении нового режима господства» (Делез, 2004: 232–233).

*ПОЗДНИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ,
ИЛИ «КУЛЬТУРНАЯ ЛОГИКА ЦИФРОВОГО КАПИТАЛИЗМА»*

Разумеется, весь пласт постмодернистских течений не сводится только к обозначенным категориям. Кроме того, взяв каждую из них по отдельности (контроль, эклектика, потребление и т. д.), мы без труда обнаружим их на более ранних этапах социальной теории. Однако условия и специфика их раскрытия позволяют говорить о постмодернизме как своеобразном комплексе языков описания актуального состояния общества и культуры.

На рубеже XX–XXI вв. постмодернизм оказывается в своеобразном тупике: ключевые теоретики меняют исследовательский объект, а некоторые из них вообще заявляют о его конце. Возникают всевозможные манифесты, провозглашающие «смерть постмодерна» в социальной и культурной теориях. Все чаще авторы размышляют о возможных альтернативах постмодернизму, необходимости формирования новой исследовательской оптики и методологического инструментария. Вслед за концепциями постиндустриального общества постмодернизм сам утрачивает эвристический потенциал, поскольку, по мысли Линды Хатчеон, «не успевает» фиксировать и описывать динамику современности в условиях укореняющейся цифровизации, глобализации и иных актуальных процессов (Hutcheon, 2002: 181). Она же одна из первых вводит термин «постпостмодернизм» — язык описания культурного состояния современного, прежде всего западного, общества, который пока сам нуждается в собственном языке (Hutcheon, 2007: 16–18).

Спустя 15 лет замечание Хатчеон сохраняет актуальность, поскольку наиболее известные течения постпостмодернизма вряд ли можно назвать сильной альтернативой постмодернистскому языку. В частности, социальный философ Александр Павлов приводит подробный критический анализ различных по своим масштабам и популярности концепций постпостмодернизма (гипермодернизм, неомодернизм, сверхмодернизм, диджимодернизм, автомодернизм, метамодернизм, перформатизм и др.), показывая их преимущественно вторичный характер по отношению к постмодернизму (Павлов, 2019).

Некоторые из них попросту не выдерживают критики, другие уже успели устареть, тогда как третьи лишь пересказывают пассажи «постмодернистских» класси-

ков, одновременно с этим высказывая мысли о закате эпохи постмодерна. В то же время Павлов выделяет несколько слабых — реновализм, гипермодернизм, постпостмодернизм и сильных — постгуманизм версий в качестве возможных альтернатив, однако и в них мы без труда найдем созвучность постмодернизму. Все это позволяет говорить об этапе позднего постмодернизма в современной социальной теории, поскольку он остается актуальным и сильным методологическим инструментом, несмотря на накопившуюся исследовательскую усталость и многочисленные попытки его преодоления. В то же время именно дискурсы позднего постмодернизма вносят свежие ракурсы и новые концептуальные характеристики цифрового общества, акцентируя внимание на его социокультурных и технологических параметрах, а также активно используя категорию цифрового.

Как отмечают Федор Николаи и Игорь Кобылин, значительная часть дискуссий о современном — позднем, когнитивном, коммуникативном — капитализме после экономического кризиса 2008 г. так или иначе сводится к понятию неолиберализма (Николаи, Кобылин, 2021: 86). В этом контексте под «неолиберализмом» следует понимать комплекс теоретических воззрений, вылившихся позднее в ряд социально-экономических реформ в западных странах 1970-х гг., наделивших рыночный обмен статусом этического базиса и главного регулятора человеческой деятельности (Харви, 2007: 7). Благодаря этому он постепенно выходит за рамки дерегулирования экономических процессов. Однако, если с первого взгляда неолиберализм проявляется в «невмешательстве» государства, то при более детальном рассмотрении мы обнаружим искусственно насаживаемые «сверху» рыночные механизмы, подчиняющие собственной логике всевозможные аспекты социальной жизни.

Несмотря на повсеместную критику как «слева», так и «справа», неолиберализм остается ведущим политико-экономическим режимом, выступая базисной составляющей цифрового общества. В этом смысле его культурным выражением и логикой сегодня становится поздний постмодерн. Поэтому концептуализация цифрового общества в оптике ведущих течений социальной теории осуществляется посредством связи между цифровыми технологиями и неолиберальным капитализмом (Dean, 2009). Цифровизация современной жизни становится ключевым объектом актуальных исследований, при этом «цифровое общество», как правило, становится синонимичным «цифровому капитализму».

Кроме того, актуальные концепции сохраняют и продолжают развивать категории контроля, эклектики, потребления, гибкости, гибридности и т. д., что в очередной раз может свидетельствовать об их определенной преемственности с постмодернизмом. Например, цифровые платформы сегодня рассматриваются в качестве ключевого механизма социального надзора (Зубофф, 2022) и главного атрибута цифрового капитализма платформ (Срничек, 2020), но вместе с тем как потенциальный инструмент его преодоления и перехода в посткапитализм (Срничек, Уильямс, 2019). Как отмечает социальный теоретик Николай Афанасов, «цифровой капитализм» во многом служит для обозначения новых технических артефактов и феноменов повседневности, но не используется для анализа непосредственно экономических процессов (Афанасов, 2021: 69). Однако работы Ника Срничека и Алекса Уильямса в этом случае выступают скорее исключением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вряд ли сегодня возможно говорить о концептуальной зрелости категории цифрового общества — она сохраняет проблемный методологический характер и зачастую отсылает к разного рода явлениям современности и понятиям в социальной теории, которые могут вовсе друг с другом не пересекаться. Вместе с тем цифровое общество вырастает из информационного, параметры которого описаны постиндустриалистами еще в 1960–1970-е гг. Если цифровые технологии являются частью информационных, то цифровое общество оказывается лишь этапом общества информационного; если же цифровые технологии формируют качественно иные социальные практики и институты, то цифровое общество выступает новой ступенью, следующей после информационного (Василенко, Мещерякова, 2021: 64).

Поскольку цифровая современность неразрывно связывается с неолиберализмом, заявления о качественно новой эпохе представляются по большей части преждевременными и чрезмерно оптимистичными. Если «капитализм центра» и оказался непроизводительным, то крупные индустриальные производства никуда не делись, всего лишь сменив географические расположения и переместившись в (полу)периферийные экономические регионы — в этом контексте цифровая эпоха неизбежно отсылает нас к отношению «центр — периферия».

Постепенно постмодернизм затмевает собой концепции постиндустриального общества, несмотря на то что проблематика последних сохраняется. Однако к концу XX в. все больше авторов фиксируют упадок постмодернизма, который вслед за теориями постиндустриального общества сам утрачивает объяснительный потенциал. Вместе с тем интенции постмодернизма сохраняются, а сам он остается наиболее сильным методологическим инструментом описания (пост)современности. Тем не менее ни одна из обозначенных концепций в рамках позднего постмодернизма пока не получила парадигмального статуса, а «борьба» за первенство в описании цифрового настоящего продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон, П. (2011) Истоки постмодерна. М.: Издательский дом «Территория будущего». 208 с.
- Афанасов, Н. Б. (2021) «Поздний капитализм» и «цифровой капитализм». К вопросу о пересечении понятий // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 62–73.
- Багдасарьян, Н. Г. (2022) Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда / Н. Г. Багдасарьян и др.; под ред. Н. Г. Багдасарьян. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана. 167 с.
- Багдасарьян Н. Г., Сони́на Л. А. (2020) Мнимые единицы публикационной активности в обществе потребления // Высшее образование в России. Т. 29. № 10. С. 86–94.
- Белл, Д. (2004) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia. 944 с.
- Бодрийяр, Ж. (2018) Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ. 240 с.
- Бузгалин, А. В., Колганов А. И. (2019) Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. № 1. С. 18–28.
- Василенко, Л. А., Мещерякова, Н. Н. (2021) Социология цифрового общества. Томск: Изд-во Томского политехнического университета. 226 с.
- Гэлбрейт, Дж. (2004) Новое индустриальное общество / пер. с англ. М.: АСТ, Транзит-книга, Terra Fantastica. 602 с.

- Делез, Ж. (2004) Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб. : Наука. 235 с.
- Дзарасов, Р. С. (2019) Наследие Самира Амина еще ждет своего исследователя // Альтернативы. № 4. С. 26–29.
- Зубофф, Ш. (2022) Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева ; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М. : Изд-во Института Гайдара. 784 с.
- Иглтон, Т. (2012) Идея культуры / пер. с англ. И. Кушнareвой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 192 с.
- Корсани, А. (2007) Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм: Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос. № 4 (61). С. 123–143.
- Латов, Ю. В. (2017) Что находится «По ту сторону материального производства»? Марксистские корни и институциональные ветви постиндустриальных теорий // Историко-экономические исследования. № 1. С. 7–29.
- Латыпова, А. Р. (2019) Игровой искусственный интеллект как медиум социального мира // Международный журнал исследований культуры. № 1 (34). С. 46–61.
- Лиотар, Ж.-Ф. (2008) Постмодерн в изложении для детей: Письма: 1982–1985 / пер. с фр., примеч. и общ. ред. А. В. Гараджи ; В. Е. Лапицкий, пер., письма. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т. 145 с.
- Лиотар, Ж.-Ф. (2016) Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетей. 160 с.
- Мазоренко, Д. А. (2021) Своевременность позднего капитализма: почему постмодернизм остается главным языком описания нашей эпохи? // Социология власти. № 1. С. 11–38.
- Николаи, Ф. В., Кобылин, И. И. (2021) «Выиграть время», или темпоральные (за)стенки неолиберального капитализма // Социология власти. № 1. С. 84–102.
- Павлов, А. В. (2019) Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 560 с.
- Павлов, А. В. (2021) Что нового в новом капитализме? // Социология власти. № 1. С. 39–63.
- Срничек, Н., Уильямс, А. (2019) Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / пер. с англ. Н. Охотина. М. : Strelka Press. 336 с.
- Срничек, Н. (2020) Капитализм платформ / пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой. М. : Издательский дом Высшей школы экономики. 128 с.
- Тоффлер, Э. (1999) Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова и др. М. : АСТ. 784 с.
- Харви, Д. (2007) Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / пер. с англ. Н. С. Брагиной. М. : Поколение. 288 с.
- Berardi, F. (2009) Precarious Rhapsody. L. : Minor Compositions. 157 p.
- Dean, J. (2009) Communicative Capitalism and Left Politics. Durham, L. : Duke University Press. 232 p.
- Drucker, P. (1993) Post-capitalist society. NY : HarperBusiness. 232 p.
- Florida, R. (2012) The Rise of The Creative Class, Revisited. NY : Basic Books. 483 p.
- Frank, A. (1966) The Development of Underdevelopment // Monthly Review. № 4. Pp. 17–31.
- Gorz, A. (1997) Farewell to the working class: an essay on post-industrial socialism. L. : Pluto press. 160 p.
- Hassan, R. (2020) The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life. L. : University of Westminster Press. 213 p.
- Hutcheon, L. (2002) The Politics of Postmodernism. NY, L. : Routledge. 222 p.
- Hutcheon, L. (2007) Gone Forever, But Here to Stay: The Legacy of the Postmodern // Postmodernism: What moment? Manchester : Manchester University Press. Pp. 16–18.
- Touraine, A. (1971) The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts, and Culture in the Programmed Society. NY : Random house. 244 p.

“DIGITAL SOCIETY”: CONCEPTUAL APPROACHES,
PROBLEMS AND PROSPECTS

N. G. BAGDASARYAN

BAUMAN MOSCOW STATE TECHNICAL UNIVERSITY; DUBNA STATE UNIVERSITY,

A. L. KRAVCHENKO

DUBNA STATE UNIVERSITY

The article is devoted to conceptual approaches to the definition of a digital society. Having undergone certain evolutionary changes in the concepts of post-industrialism, trends of postmodernism and late postmodernism, it remains a rather problematic and methodologically complex concept used by various authors to denote all kinds of phenomena related to “digit”. In the framework of post-industrial modernity is described as an information society in which “knowledge” becomes a fundamental political and economic resource. At the same time, post-industrialists often replace and explain social transformations with technological changes, which generates contradictory conclusions about the digital society. Nevertheless, this complex gives quite a detailed description of the phenomena of modernity, but does not accompany them with a sufficient socio-philosophical interpretation.

Postmodernism is gradually replacing post-industrialism, while at the same time not completely displacing it. Considering the equally problematic nature of the term “post-modernism”, the authors identify a number of main categories of description of digital society, common to most of the postmodern trends in social theory. The article presents both the general foundations of postmodernism and differences in approaches to the description of the digital age.

By the end of the twentieth century, important authors of postmodernism record its decline associated with the loss of explanatory potential, the fatigue of researchers caused by its challenges, or even declare its end. However, it remains the main and most powerful language for describing modernity and conceptualizing digital society in particular — this allows the authors to speak about the stage of late postmodernism of modern social theory.

Keywords: digital society; post-industrial society; postmodernism; late postmodernism; digital capitalism; neoliberalism; social theory

REFERENCES

- Anderson, P. (2011) *Istoki postmoderna*. Moscow, Territorija budushhego. 208 p. (In Russ.).
- Afanasov, N. B. (2021) «Pozdnij kapitalizm» i «cifrovoy kapitalizm». K voprosu o peresechenii ponjatij. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 62–73. (In Russ.).
- Bell, D. (2004) *Grjadushbee postindustrial'noe obshestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya* / transl. from English. Moscow, Academia. 944 p. (In Russ.).
- Baudrillard, J. (2018) *Simuljaky i simuljicii* / transl. from French by A. Kachalov. Moscow, POSTUM. 240 p. (In Russ.).
- Buzgalin, A. V. and Kolganov A. I. (2019) Transformacii social'noj struktury pozdnego kapitalizma: ot proletariata i burzhuzii k prekariatu i kreativnomu klassu? *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 18–28. (In Russ.).
- Vasilenko, L. A. and Meshherjakova, N. N. (2021) *Sociologija cifrovogo obshestva: monografija*. Tomsk, Tomsk Polytechnic University. 226 p. (In Russ.).
- Galbraith, J. (2004) *Novoe industrial'noe obshestvo* / transl. from English. Moscow, AST, Tranzitkniga, Terra Fantastica. 602 p. (In Russ.).
- Deleuze, J. (2004) *Peregovory. 1972–1990* / transl. from French by V. Yu. Bystrov. St. Petersburg, Nauka. 235 p. (In Russ.).
- Dzarasov, R. S. (2019) Nasledie Samira Amina eshhe zhdet svoego issledovatelja. *Al'ternativy*, no. 4, pp. 26–29. (In Russ.).
- Zuboff, S. (2022) *Jepoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushhee na novyh rubezhah vlasti* / transl. from English by A. F. Vasil'ev; ed. by Ya. Okhon'ko and A. Smirnov. Moscow, Gaidar Institute Publishing House. 784 p. (In Russ.).

Eagleton, T. (2012) *Ideja kul'tury* / transl. from English by I. Kushnareva. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics. 192 p. (In Russ.).

Korsani, A. (2007) Kapitalizm, biotehnonauka i neoliberalizm: Informacija k razmyshleniju ob otnoshenijah mezhdou kapitalom, znanijem i zhizn'ju v kognitivnom kapitalizme. *Logos*, no. 4 (61), pp. 123–143. (In Russ.).

Latov, Ju. V. (2017) Chto nahoditsja «Po tu storonu material'nogo proizvodstva»? Marksistskie korni i institucional'nye vetvi postindustrial'nyh teorij. *Istoriko-jekonomicheskie issledovanija*, no. 1, pp. 7–29. (In Russ.).

Latypova, A. R. (2019) Igrovoj iskusstvennyj intellekt kak medium social'nogo mira. *Mezhdunarodnyj zbornik issledovanij kul'tury*, no 1 (34), pp. 46–61. (In Russ.).

Liotard, J.-F. (2008) *Postmodern v izlozhenii dlja detej: Pis'ma: 1982–1985* / transl. from French, notes and ed. by A. V. Garaja and V. E. Lapitsky. Moscow, Russian State University for the Humanities. 145 p. (In Russ.).

Liotard, J.-F. (2016) *Sostojanie postmoderna* / transl. from French by N. A. Shmatko. St. Petersburg, Aletejja. 160 p. (In Russ.).

Mazorenko, D. A. (2021) Svoevremennost' pozdnego kapitalizma: pochemu postmodernizm ostaetsja glavnym jazykom opisanija nashej jepohi? *Sociologija vlasti*, no. 1. pp. 11–38. (In Russ.).

Nikolai, F. V. and Kobylin, I. I. (2021) «Vyigrat' vremja», ili temporal'nye (za)stenki neoliberal'nogo kapitalizma. *Sociologija vlasti*, no. 1, pp. 84–102. (In Russ.).

Pavlov, A. V. (2019) *Postpostmodernizm: kak social'naja i kul'turnaja teorija ob'jasnjajut nashe vremja*. Moscow, Publishing House "Delo" RANEPa. 560 p. (In Russ.).

Pavlov, A. V. (2021) Chto novogo v novom kapitalizme? *Sociologija vlasti*, no. 1, pp. 39–63. (In Russ.).

Srnicek, N. and Williams, A. (2019) *Izobretaja budushbee: postkapitalizm i mir bez truda* / transl. from English by N. Okhotin. Moscow, Strelka Press. 336 p. (In Russ.).

Srnicek, N. (2020) *Kapitalizm platform* / transl. from English; ed. by M. Dobryakova. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics. 128 p. (In Russ.).

Toffler, A. (1999) *Tret'ja volna* / transl. from English by K. Yu. Burmistrov et al. Moscow, AST. 784 p. (In Russ.).

Harvey, D. (2007) *Kratkaja istorija neoliberalizma. Aktual'noe prochtenie* / transl. from English by N. S. Bragina. Moscow, Pokolenie. 288 p. (In Russ.).

Berardi, F. (2009) *Prekarious Rhapsody*. London, Minor Compositions. 157 p.

Dean, J. (2009) *Communicative Capitalism and Left Politics*. Durham, London, Duke University Press. 232 p.

Drucker, P. (1993) *Post-capitalist society*. New York, HarperBusiness. 232 p.

Florida, R. (2012) *The Rise of The Creative Class, Revisited*. New York, Basic Books. 483 p.

Frank, A. (1966) The Development of Underdevelopment. *Monthly Review*, no. 4. pp. 17–31.

Gorz, A. (1997) *Farewell to the working class: an essay on post-industrial socialism*. London, Pluto press. 160 p.

Hassan, R. (2020) *The Condition of Digitality: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*. London, University of Westminster Press, 213 p.

Hutcheon, L. (2002) *The Politics of Postmodernism*. New York, London, Routledge. 222 p.

Hutcheon, L. (2007) *Gone Forever, But Here to Stay: The Legacy of the Postmodern. Postmodernism: What moment?* Manchester, Manchester University Press, pp. 16–18.

Touraine, A. (1971) *The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts, and Culture in the Programmed Society*. New York, Random house. 244 p.

Submission date: 28.02.2023.

Багдасарьян Надежда Гегамовна — доктор философских наук, профессор, МГТУ имени Н. Э. Баумана, Государственный университет «Дубна». Адрес: 141980, Московская область,

г. Дубна, ул. Университетская, д. 19, каб. 4-302. Тел.: 8 (496) 216-61-20. Эл. адрес: ngbagda@mail.ru

Кравченко Алексей Леонидович, аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук, Государственный университет «Дубна». Адрес: 141980, Московская область, г. Дубна, ул. Университетская, д. 19, каб. 4-302. Тел.: 8 (496) 216-61-20. Эл. адрес: alkrovch1@yandex.ru

Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna, Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University, Dubna State University. Postal address: 19, Universitetskaya St., office 4-302, Dubna, Moscow Region, 141980. Tel.: 8 (496) 216-61-20. E-mail: ngbagda@mail.ru

Kravchenko Aleksei Leonidovich, Postgraduate Student, Department of Sociology and Human Sciences, Dubna State University. Postal address: 19, Universitetskaya St., office 4-302, Dubna, Moscow Region, 141980. Tel.: 8 (496) 216-61-20. E-mail: alkrovch1@yandex.ru

DOI: 10.17805/zpu.2023.2.5

Методология социокультурного познания в условиях общественных изменений

О. И. КАРПУХИН

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,

С. Н. КОМИССАРОВ

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ ФНИСЦ РАН

Изучайте науку искусства и искусство науки.

Леонардо да Винчи

Очевидное наступление новой эпохи всемирной истории после экспансии Запада, направленной на уничтожение России как цивилизации, предполагает пересмотр всего арсенала методов научного познания реально происходящего в геополитической, социально-экономической и социокультурной сферах. Ныне речь идет о переломном характере самой логики человеческой истории, которая сложилась за последние века и в противоречивой, во многом бесчеловечной, реальности которой устойчиво прокладывал дорогу вектор очеловечивания мира и самого человека, составляющий сущность культуры. Сегодня на Западе идет разрушение этого вектора и его основополагающих религиозно-идеологических и духовно-культурных несущих конструкций. Этот антикультурный сдвиг западной цивилизации направлен на озверение человека массы, низложение его до уровня инстинктов «братьев наших меньших» — ради того, чтобы ополовинить человечество и обеспечить беспрекословное подчинение оставшихся интересам верхушки мировой олигархии. Способом достижения этих вполне прозаических интересов стало низложение Бога как идеала человека и ликвидация гуманистической культурной традиции, выработанной человечеством в борьбе за выживание человека как общественного существа. Условием успеха такой стратегии стало уничтожение Российской цивилизации и культуры, которые генетически связаны друг с другом и которые оказались оплотом гуманистической традиции человечества. Недаром попытка физического уничтожения Российского государства, истребления его народов сочетается в новом крестовом походе